

А. Ю. Дворниченко

ПЛЕМЕННЫЕ СТРУКТУРЫ И СЛАВЯНСКИЕ ПОЛИТОГЕНЕЗЫ (РЕПЛИКА)

Похоже, понятие «племя» пало жертвой совместного действия политики и социальной психологии. Параллельно с развалом представлявшихся незыблемыми политических колоссов утрачивалась вера в прогресс, а одновременно и в идею линейного развития. Казавшаяся столь изящной теория Г. Л. Моргана — Ф. Энгельса вдруг в одночасье оказалась малопривлекательной. При этом стоит напомнить, что однолинейные теории — отнюдь не только удел марксизма. Одна из самых влиятельных на западе однолинейных схем (band — tribe — chiefdom — state) была намечена М. Д. Салинзом, а разработана Э. Р. Сервисом, которые как ученики разных представителей неозволюционизма (Л. Уайта и Дж. Стюарта) постарались объединить подходы своих учителей¹.

Впрочем, в том же неозволюционизме есть и многолинейные схемы. Они творчески развиваются нашими неэволюционистами, прежде всего, А. В. Коротаяевым и Н. Н. Крадиным. Первый убедительно показал, что племя может быть непервобытной и достаточно поздней формой политической организации². Понятие «племя» в том виде, в каком оно употребляется рядом социоантропологов при описании ряда народов Азии и Африки XIX–XX вв., представляется ему вполне полезным, ибо «оно означает достаточно определенную форму надобщинной политической организации, которая, как кажется, не может быть адекватно обозначена никакими иными принятыми в современной науке терминами» (включая такие ключевые понятия, как «вождество» и «община»)³. С этим нельзя не согласиться. Мысль об отказе от этого термина (именно

¹ *Классен Х. Дж. М.* Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма // *Альтернативные пути к цивилизации*. М., 2000. С. 11.

² *Коротаяев А. В.* Апология трайбализма: Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ // *Социологический журнал*. 1995. № 4. С. 68–86.

³ *Коротаяев А. В.* Племя как форма социальнopolитической организации сложных непервобытных обществ (в основном по материалам Северо-Восточного Йемена) // *Альтернативные пути к цивилизации*. С. 275.

об отказе, а не о замене другим) кажется кощунственной представителям разных областей исторического знания⁴.

Однако проблема племенной этничности, которая в классическом для российской науки варианте определения племени стоит на первом месте⁵, гораздо сложнее. В. Пол и Ф. Курта в последние десятилетия немало поработали над тем, чтобы подвергнуть сомнению славянскую идентичность южных, да и западных славян: «создание славян было в меньшей степени делом этногенеза и гораздо большей изобретения, воображения и маркирования со стороны византийских авторов»⁶. Не признает этнический характер племени (хотя продолжает использовать это слово, пусть и в кавычках) К. Модзелевский⁷.

Наверное, я не решусь сейчас разбирать ситуацию с западными и южными славянами, но что касается более близких мне восточных славян, то ситуация здесь не менее сложная. В самом деле, кто были в этническом отношении все эти поляне, древляне и прочие? Можно ли считать знаменитых севрюков наследниками этничности тех самых северян⁸? Или в современных, состоявшихся славянских народах — русских, украинцах, белорусах — нельзя обнаружить остатки «племенной этничности»?

Не по этой ли причине спор, интенсивно шедший в советской историографии касательно происхождения, например, белорусов, так и зашел в тупик. Знаменитый археолог П. Н. Третьяков, возражая не менее знаменитому археологу В. В. Седову, утверждал, что древние балты «послужили субстратом не белорусской средневековой народности... а ее предшественницы — древнерусской народности»⁹. Проблема, правда, элиминируется в ситуации, когда приложить понятие «племя» к этим восточнославянским сообществам нельзя. Сколько разных терминов было изобретено: метаплемена, народцы, племенные союзы и т. д. Разочаровавшиеся в поисках адекватного термина ученые в последнее время, констатируя в летописи отсутствие такого понятия как «племя», сетуют на отсутствие иного обозначения, и сами пускают этот термин в ход¹⁰. Но в этом случае термин явно «не работает», как, видимо, не работает он и в случае, например, с поморянами или ляхами.

Не хочется класть в основу количественный признак, но «племя» — это сообщество явно меньшее по размерам, чем пресловутые летописные «племена». Предпочтительнее выглядит термин, применявшийся в историографии в 70–80-е гг. прошлого века, — «соплеменность». Было бы, конечно, замечательно, если бы вместо Константина Багрянородного у нас был свой Тацит и другие античные авторы, которые не только выделяли совокупности родственных племен, но и указывали, из каких именно племен состоят такие общности¹¹. Правда, от этого этнический характер «племен» все равно не стал бы более ясным...

⁴ Голубцова Е. С. *Община, племя, народность в античную эпоху*. М., 1998. С. 50.

⁵ Куббель Л. Е. *Племя // Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура*. М., 1986. С. 144.

⁶ Curta F. *The Making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region*, с. 500–700. Cambridge, 2002. P. 349. — Примерно в том же духе рассуждал и В. Поль в связи со славянами и аварами (*Pohl W. Die Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa 567– 822 n. Chr. München, 1988. S.107–108*).

⁷ Modzelewski K. *Barbarzyńska Europa*. Warszawa, 2004.

⁸ Багновская Н. М. *Севрюки: Население Северской земли в XIV–XVI вв.* М., 2002; и др.

⁹ Гадло А. В. *Восточные славяне, Русь и неславянские племена Восточной Европы // Советская историография Киевской Руси*. Л., 1978. С. 46–47.

¹⁰ Толочко А. П. *Очерки начальной руси*. Киев; СПб., 2015. С. 69.

¹¹ На это обратил внимание и такой выдающийся этносовед, как Ю. В. Бромлей (*Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса*. М., 1983. С. 267. Примеч. 109).

Поэтому остается актуальным вопрос — под такую категорию, с этнической точки зрения, попадают племена, входившие в состав древнерусских городов-государств (меря, голядь и т. д.)?¹² Вообще, пока без сомнения (для древности) мы можем говорить лишь об этническом сознании надплеменного уровня, типа «мы — славяне!», как бы это ни опротестовывал, например, Ф. Курта. Тем более что уже довольно давно О. Н. Трубачев убедительно показал, что слово *pleme* «с самого начала» обнаружило тенденцию к расширению значения — откуда типичное для славянских языков соотношение *rodъ* — «ближайшее родство», *pleme* — родственная группа в самом широком смысле¹³.

Если для славянского этногенеза «племя» мало что дает (во всяком случае, пока), то с политогенезом дело обстоит иначе. Здесь «племя», хотя бы того исследователи или нет, встраивается в эволюционную цепочку, и выбросить его оттуда весьма сложно. Историографическое изучение славянского политогенеза только начинается¹⁴. Здесь мне хочется порассуждать не эволюционно и не ретроспективно, а взяв за основу все те же восточнославянские племена, о которых только что шла речь¹⁵. Что такое эти племена с точки зрения уже не этнографического, а социально-политического подхода? Некоторые ученые сооружают совершенно фантастические картины преобразования «восточнославянских племен» в «племенные княжения» с одновременным формированием «межплеменных союзов»¹⁶. Другие предлагают применять термин «Славинии», как называли сообщества славян византийцы. Звучит, кстати говоря, неплохо, но для Киевской Руси вряд ли корректно применять такой термин: мы ведь знаем, как называли эти сообщества наши летописцы. Уж чем они точно не были — так это племенными союзами. Похоже, развитие наших исторических наук отменило этот термин, да и само явление.

Уже несколько лет назад, опираясь на труды зарубежных и наших специалистов (прежде всего, Н. Н. Крадина), я предложил видеть в этих социальных организациях вождества. Это простые вождества, которые уже перед появлением на древнерусской сцене преобразуются в компаундные (по терминологии Р. Карнейро)¹⁷. Всю дальнейшую историю Восточной Европы, вплоть до начала XI в., я и рассматриваю в рамках развития вождества¹⁸.

Хочу напомнить, что вождество — это общество еще родоплеменное. Как жило племя в рамках вождества на Руси — вопрос правомерный и злободневный. К сожалению, ответить на него, опираясь на наши источники, довольно трудно, и для этого требуется отдельная работа. Впрочем, большие возможности таятся в восприятии этого общества (как и любого) как целостной системы, в анализе всей совокупности

¹² Гадло А. В. Восточные славяне, Русь и неславянские племена Восточной Европы... С. 48–60.

¹³ Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959. С. 164.

¹⁴ Дворниченко А. Ю. 1) Политогенез в германской историографии // Былые годы. 2014. № 34 (4). С. 487–497; 2) Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб.; М., 2014.

¹⁵ Когда в 2006 г. я писал об их «бесспорном этнографическом характере», я явно попал под влияние авторитета В. В. Седова и П. П. Толочко (Дворниченко А. Ю. О восточнославянском политогенезе в VI–X вв. // *Rossica Antiqua: Исследования и материалы*. 2006. СПб., 2006. С. 187–188.

¹⁶ Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб., 2003. С. 86, 92.

¹⁷ Дворниченко А. Ю. О восточнославянском политогенезе в VI–X вв. ... С. 191.

¹⁸ Дворниченко А. Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. М., 2010. С. 101–116.

не только этнических, социальных, политических и других, так сказать, «материальных черт», но всего языческого еще по сути мировоззрения, которое буквально пронизано племенной ментальностью. Удачный опыт подобного рода представлен в работах И. Я. Фроянова.

Последующие социальные организмы хранят в себе ясные следы племенной структуры. Яркий пример здесь — Господин Великий Новгород, устройство которого можно понять только с учетом древнего племенного деления, ибо «корни обычая традиционного соперничества (сторон и концов. — А. Д.) тянулись к ритуальной вражде и ритуальным состязаниям дуальных родов и фратрий»¹⁹. Судя по летописным упоминаниям, и в XI–XII вв. сохраняются названия племен, а может быть, и их остатки.

От вожеств общество может развиваться к государству, но могло и к безгосударственным образованиям, например, к безгосударственному полису, что и наблюдалось, по моему мнению, на Руси. Время конца X – начала XI в. — это время переломное в истории племенных структур: на смену родовым связям приходят территориальные, которые знаменуют собой рождение восточнославянских политий (полисов, городов-государств). Меняются и названия социальных организмов: на смену «соплеменным» названиям приходят «кияне», «полочане», «смоляныне», «новгородцы», «галичане» и т. д. А. П. Толочко недоумевает над этой ситуацией (еще вчера были племена, а сегодня — горожане) и обвиняет коллег-ученых в том, что они в этом случае на роль главного фактора этнического развития назначили государство, с образованием которого возникает «плавильный котел», перетапливающий полян, северян и прочих в киян, черниговцев (черниговцев?) и остальных²⁰.

Но все дело в том, что эти новые персонажи древнерусской истории (кияне, полочане и прочие) никакого отношения к вожделенному нашими историками государству не имеют. Это обитатели земель, волостей — тех самых восточнославянских политий, городов-государств, которые подобны во многом архаическому древнегреческому полису²¹. Это, кстати, позволяет сносно решить и наболевшую проблему «древнерусской народности: каждый ощущал себя гражданином своей политии, но, как и в Греции, было сознание некоей общности»²².

Что же касается предшествующего вождествам времени (VI–VIII вв.), то это, безусловно, «племенное царство» или «царство племени». Племена славян отнюдь не были разрушены в ходе Великого переселения народов, как сохранились и германские племена. Более того, племенной строй славян обогащался за счет взаимодействия с соседними народами. Так, влияние иранского (аланского) субстрата было в свое время хорошо показано в работах выдающего эмигрантского историка Г. В. Вернадского. В настоящее время многие его наблюдения находят подтверждение в новейших исторических исследованиях.

Влияние шло и со стороны германских племен. Кстати, привлечение материала по германским племенам с целью объяснения тех или иных сторон славянского племенного быта вполне правомерно и имеет давнюю традицию в отечественной историографии.

¹⁹ Петров А. В. Традиционное членение и некоторые особенности внутриволостного развития средневекового Новгорода // Историческая этнография. Русский Север и Ингерманландия. Межвузовский сборник. К 60-летию со дня рождения проф. А. В. Гадло. СПб., 1997. С. 54; и другие работы автора.

²⁰ Толочко А. П. Очерки начальной руси. С. 79–80.

²¹ Становление и развитие раннеклассовых обществ. Город и государство. Л., 1986.

²² Дворниченко А. Ю. Российская история... С. 169–170.

Опасность впасть в явные преувеличения, как это получилось с Н. П. Павловым-Сильванским в связи со сравнением русского «феодализма» с западным, здесь вряд ли поджидает. И все-таки и в этом случае надо проявлять осторожность. Ведь неслучайно возникло понятие в исторической социологии «Germanic mode of production». Дело не в том давнем и трогательном (со времен И. Г. Гердера идущем) противопоставлении воинственных германцев и «голубиных народов» — славян. Различия (и весьма существенные) могут возникать уже на столь архаической племенной стадии. Тенденция сравнивать древние славянские и германские народы между собой возникла уже в XIX в., потом ее пытались продолжить в 70-е гг. прошлого XX в.²³ Но формализм в науке и общая атмосфера убили эту тенденцию. Будем надеяться, что не до конца...²⁴

Задача изучения этих ранних племен чрезвычайно трудная, она требует работы целого научного коллектива. Тот синтез, который встречается в литературе, удачным не назовешь²⁵. Спорен даже вопрос о характере общественного строя этих племен. Ф. Курта доказывал, что понятие «военная демократия» никак не подходит²⁶. Но мне кажется, что он сам, в конце концов, зашел в тупик. Вроде бы примерил к славянскому обществу «сегментированную линиджную систему», для которой характерно отсутствие иерархии при наличии сложной социальной организации в целом. Но потом обнаружил в славянском обществе «королей», стал примерять к нему образы бигменов и т. д. К. Модзелевский предложил некий «варварский коллективизм». Похоже, что современная научная ментальность и понятийный аппарат пасуют перед языческой стихией древних племен.

В нашей науке уже давно намечены пути изучения племенных структур: их рассматривают во взаимоотношениях с общиной, городом и государством²⁷. Последнее для славян не очень актуально, так как государства сформировались уже в условиях распада племенных структур, зато первые два компонента приобретают особое значение, причем племя, общину и город надо обязательно рассматривать в совокупности — тогда могут выявиться общие и интересные закономерности. Для славянского мира весьма характерна высокоразвитая общинная жизнь. Наверное, уже бесспорно (во всяком случае, для меня), что Киевская Русь — это общинный период истории, в основе которого вервь, «кровнородственное объединение, осколок рода, включенного в соседскую общину. Последняя выступает в Русской Правде под терминами “мир”, “город”, “земля”»²⁸. Я бы добавил сюда и «волость».

Последняя, по моим наблюдениям, носит в Восточной Европе чуть ли не универсальный характер, встречаясь в разные периоды в Молдавии и Великом княжестве Литовском, неславянских землях Российского государства и других регионах. Всегда это пусть уменьшенная, пусть деформированная, но модель «города-государства»...

Учитывая же славянское единство, о котором говорилось выше, трудно допустить, что древние черты общественного быта не украшали бы лик южного и западного славянства. Здесь не выборочный (по отдельным странам), а совокупный анализ

²³ Данилова Г. М. Проблемы генезиса феодализма у славян и германцев (сравнительный анализ франкских, древнерусских, хорватских, сербских и польских источников). Петрозаводск, 1974.

²⁴ Удачный вариант такого исследования — уже упоминавшаяся книга К. Модзелевского: *Modzelewski K. Barbarzyńska Europa*. Warszawa, 2004.

²⁵ Алексеев С. В. Славянская Европа V–VIII веков. М., 2009.

²⁶ Curta F. The making of the Slavs... P. 312–319.

²⁷ Голубцова Е. С. Голубцова Е. С. Община, племя, народность в античную эпоху. М., 1998.

²⁸ Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 148.

историографии уже многое откроет взгляду современного исследователя. Есть мощная историографическая традиция, в которую свой вклад внесли не только выдающиеся чешские и польские историки, но и русские. И в этой традиции не принято модернизировать появление государственности у южных и западных славян, в ней видят так называемый «земский строй, сложившийся на основах общеславянского демократического и патриархально-родового быта»²⁹. Причем, та традиция не погибла и в «советский период» жизни России и славянских стран. Необходимо с широким привлечением новейших данных антропологии и сравнительно-исторических материалов создать, наконец, типологию славянской общины, вплоть до общины-государства, показать удельный вес в ней племенных структур и связь племенного устройства с территориальным. Уже первые опыты подобного рода показывают, что помощь здесь могут оказать даже далекие от нас города-государства древнего Китая и Кореи³⁰.

Изучение племенных и общинных структур позволит прояснить характер ранних славянских «государств»: державы Само, Великоморавского государства и т. д. Полагаю, что эта проблематика нуждается в солидном изучении. Во всяком случае, на повестке дня монографический труд.

Данные о статье

Автор: Дворниченко, Андрей Юрьевич — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, доктор исторических наук, профессор, a.dvornichenko@spbu.ru

Заголовок: Племенные структуры и славянские политогенезы (Реплика)

Резюме: В статье изложены наблюдения по поводу современного подхода к проблеме развития племенных структур у славян и связи их с процессом политогенеза у славян. Автор ставит вопрос – под какую категорию, с этнической точки зрения, попадают племена, входившие в состав древнерусских городов-государств (мера, голядь и т. д.)? По его мнению, пока без сомнения мы можем говорить лишь об этническом сознании надплеменного уровня, а на уровне племени этническое сознание не фиксируется. Племена славян отнюдь не были разрушены в ходе Великого переселения народов, как сохранились и германские племена. В российской историографии племенные структуры рассматривают во взаимоотношениях с общиной, городом и государством. Последующие социальные организмы хранят в себе ясные следы племенной структуры. Яркий пример здесь — Господин Великий Новгород, устройство которого можно понять только с учетом древнего племенного деления. Изучение племенных и общинных структур позволит прояснить характер ранних славянских «государств»: державы Само, Великоморавского государства и т. д.

Ключевые слова: племя, племенные структуры, славяне, политогенез, вождество

Литература, использованная в статье

- Pohl, Walter.* Die Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa 567–822 n. Chr. München: C. H. Beck, 1988. 529 s.
Алексеев, Сергей Викторович. Славянская Европа V–VIII веков. Москва: Вече, 2009. 527 с.
Алимов, Денис Евгеньевич. Потестарная организация в славянском мире в IX–X вв.: В поисках «простого вождества» // Ранние формы потестарных систем / Отв. ред. В. А. Попов. Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), 2013. С. 133–163.
Багновская, Нела Михайловна. Севрюки: Население Северской земли в XIV–XVI вв. Москва: Палеотип, 2002. 48 с.
Бромлей, Юлиан Владимирович. Очерки теории этноса. Москва: Наука, 1983. 412 с.
Гадло, Александр Вильямович. Восточные славяне, Русь и неславянские племена Восточной Европы // Советская историография Киевской Руси. Ленинград: Наука, 1978. С. 43–60.
Голубцова, Елена Сергеевна. Община, племя, народность в античную эпоху. Москва: Наука, 1998. 253 с.

²⁹ Ясинский А. Н. Падение земского строя в Чешском государстве (X–XIII вв.). Киев, 1895. С. 1.

³⁰ Алимов Д. Е. Потестарная организация в славянском мире в IX–X вв.: В поисках «простого вождества» // Ранние формы потестарных систем / Отв. ред. В. А. Попов. СПб., 2013. С. 153.

- Данилова, Галина Михайловна. Проблемы генезиса феодализма у славян и германцев (сравнительный анализ франкских, древнерусских, хорватских, сербских и польских источников). Петрозаводск: Карелия, 1974. 231 с.
- Данилова, Людмила Валериановна. Сельская община в средневековой Руси. Москва: Наука, 1994. 318 с.
- Дворниченко, Андрей Юрьевич. О восточнославянском политогенезе в VI–X вв. // *Rossica Antiqua: Исследования и материалы*. 2006. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. С. 184–195.
- Дворниченко, Андрей Юрьевич. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. Москва: «Весь мир», 2010. 939 с.
- Дворниченко, Андрей Юрьевич. Политогенез в германской историографии // *Былые годы*. 2014. № 34 (4). С. 487–497.
- Дворниченко, Андрей Юрьевич. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. Санкт-Петербург: Евразия; Москва: ИД Клио, 2014. 560 с.
- Дворниченко, Андрей Юрьевич; Филюшкин, Александр Ильич. Славянская общность: Альтернативы и мифы // *Родина. Специальный выпуск*. 2007. № 6. С. 87–89.
- Классен, Хенри Дж. М. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма // *Альтернативные пути к цивилизации*. Москва: Логос, 2000. С. 6–23.
- Кортаев, Андрей Витальевич. Апология трайбализма: Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ // *Социологический журнал*. 1995. № 4. С. 68–86.
- Кортаев, Андрей Витальевич. Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ (в основном по материалам Северо-Восточного Йемена) // *Альтернативные пути к цивилизации*. Москва: Логос, 2000. С. 265–291.
- Кортаев, Андрей Витальевич; Крадин, Николай Николаевич; Лынина, Валерий Алексеевич. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // *Альтернативные пути к цивилизации*. Москва: Логос, 2000. С. 24–83.
- Куббель, Лев Евгеньевич. Племя // *Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура*. Москва: Наука, 1986. С. 144–146.
- Петров, Алексей Владимирович. Традиционное членение и некоторые особенности внутривнутриполитического развития средневекового Новгорода // *Историческая этнография. Русский Север и Ингерманландия. Межвузовский сборник. К 60-летию со дня рождения проф. А. В. Гадло*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1997. С. 49–59.
- Свердлов, Михаил Борисович. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. Санкт-Петербург: Академический проект, 2003. 735 с.
- Становление и развитие раннеклассовых обществ. Город и государство. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1986. 337 с.
- Толочко, Алексей Петрович. Очерки начальной руси. Киев; Санкт-Петербург: Лаурис, 2015. 334 с.
- Трубачев, Олег Николаевич. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. Москва: Наука, 1959. 212 с.
- Ясинский, Антон Никитич. Падение земского строя в Чешском государстве (X–XIII вв.). Киев, 1895. 193 с.
- Curta, Florin. *The Making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region*, c. 500–700. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 453 p.
- Modzelewski, Karol. *Barbarzyńska Europa*. Warszawa: Iskry, 2004. 520 s.

Information about the article

Author: Dvornichenko, Andrey Yuryevich — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, Doctor in History, Professor, a.dvornichenko@spbu.ru

Title: Tribal structures and Slavic politogenesis (Some remarks)

Summary: The article provides observations about the modern approach to the problem of the development of tribal structures among the Slavs and their connection with the process of the Slavs' politogenesis. The Author raises a problem: what was the category of the ancient tribes of The Eastern Europe in terms of the ethnical processes? Who were the tribes, entered into the composition of the towns-states of the Ancient Rus'? There are no apprehensions, that at the level of a tribe we cannot find the ethnic consciousness. It was at the under tribe level only. Slavonic tribes weren't destroyed during the Great Migration of Peoples. German tribes were remained too. In Russian historiography all tribal structures were considered in their

interrelations with commons, cities and state. All following social structures saved the clear tracks of tribes. The bright example – Novgorod the Great. It's political and social organization we should understand in the context of the ancient tribal division. Studying of tribal and common structures should clear up the character of the early Slavonic states: “state of Samo”, “Great Moravia State” etc.

Keywords: tribe, tribal structures, Slavs, politogenesis, chiefdom

References

Alekseev, Sergey Viktorovich. *Slavyanskaya Evropa V–VIII vekov* [*Slavic Europe of the 5th to 8th centuries*]. Moscow: Veche Publ., 2009. 527 p. (in Russian).

Alimov, Denis Evgenyevich. Potestarnaya organizatsiya v slavyanskom mire v IX–X vv.: V poiskakh «prostogo vozhdstva» [Potestarian organization in the Slavic world in the 9th–10th centuries: In search of a «simple chiefdom»], in Popov V. A. (ed.). *Rannie formy potestarnykh sistem* [*Early forms of potestarian systems*]. St. Petersburg: Peter the Great Muzeum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) Publ., 2013. P. 133–163 (in Russian).

Bagnovskaya, Nela Mikhaylovna. *Sevryuki: Naselenie Severskoy zemli v XIV–XVI vv.* [*Sevruk: The population of the Northern lands in the 14th–16th centuries*]. Moscow: Paleotip Publ., 2002. 48 p. (in Russian).

Bromley, Yulian Vladimirovich. *Ocherki teorii etnosa* [*Essays on the theory of ethnosa*]. Moscow: Nauka Publ., 1983. 412 p. (in Russian).

Claessen, Henry J. M. Problemy, paradoksy i perspektivy evolyutsionizma [Problems, paradoxes and perspectives of evolutionism], in *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii* [*Alternative ways to civilization*]. Moscow: Logos Publ., 2000. P. 6–23 (in Russian).

Curta, Florin. *The Making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 453 p.

Danilova, Galina Mikhaylovna. *Problemy genezisa feodalizma u slavyan i germantsev (sравnitelnyj analiz frantskikh, drevnerusskikh, khorvatskikh, serbskikh i pol'skikh istochnikov)* [*Problems of the genesis of feudalism among the Slavs and Germans (a comparative analysis of Frankish, old-Russian, Croatian, Serbian and Polish sources)*]. Petrozavodsk: Kareliya Publ., 1974. 231 p. (in Russian).

Danilova, Lyudmila Valerianovna. *Sel'skaya obshchina v srednevekovoy Rusi* [*Rural community in medieval Russia*]. Moscow: Nauka Publ., 1994. 318 p. (in Russian).

Dvornichenko, Andrey Yuryevich. O vostochnoslavyskom politogeneze v VI–X vv. [On the East Slavic politogenesis in the 6th–10th centuries], in *Rossica Antiqua: Issledovaniya i materialy* [*Rossica Antiqua: Studies and materials*]. 2006. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2006. P. 184–195. (in Russian).

Dvornichenko, Andrey Yuryevich. Politogenez v germanskoj istoriografii [Politogenesis in German historiography], in *Bylye gody*. 2014. № 34 (4). P. 487–497. (in Russian).

Dvornichenko, Andrey Yuryevich. *Rossiyskaya istoriya s drevneyshikh vremen do padeniya samodержавiya* [*Russian history from the earliest times to the fall of autocracy*]. Moscow: Ves' mir Publ., 2010. 939 p. (in Russian).

Dvornichenko, Andrey Yuryevich. *Zerkala i khimery. O vznikenii drevnerusskogo gosudarstva* [*Mirrors and chimeras. On the origin of the old Russian state*]. St. Petersburg: Eurasia Publ.; Moscow: Clio Publ., 2014. 560 p. (in Russian).

Dvornichenko, Andrey Yuryevich; Filyushkin, Aleksandr Ilyich. Slavyanskaya obshchnost': Al'ternativy i mify [Slavic community: Alternatives and myths], in *Rodina*. Special edition. 2007. № 6. P. 87–89. (in Russian).

Gadlo, Aleksandr Vilyamovich. Vostochnye slavyane, Rus' i neslavyanskije plemena Vostochnoy Evropy [East Slavs, Rus' and non-Slavic tribes of Eastern Europe], in *Sovetskaya istoriografiya Kievskoy Rusi* [*Soviet historiography of Kievan Rus'*]. Leningrad: Nauka Publ., 1978. P. 43–60. (in Russian).

Golubtsova, Elena Sergeevna. *Obshchina, plemya, narodnost' v antichmuyu epokhu* [*Community, tribe, ethnic group in the antique times*]. Moscow: Nauka Publ., 1998. 253 p. (in Russian).

Korotaev, Andrey Vital'evich. Apologiya traybalizma: Plemya kak forma sotsial'no-politicheskoy organizatsii slozhnykh nepervobytnykh obshchestv [The Apologia of the Tribalism: A Tribe as a Form of Sociopolitical Organization of Complex Non-primitive Societies], in *Sotsiologicheskij zhurnal*. 1995. № 4. P. 68–86. (in Russian).

Korotaev, Andrey Vitalyevich. Plemya kak forma sotsial'no-politicheskoy organizatsii slozhnykh nepervobytnykh obshchestv (v osnovnom po materialam Severo-Vostochnogo Yemena) [Tribe as a form of sociopolitical organization of complex non-primitive societies (mainly on materials of North-Eastern Yemen)], in

- Kradin, Nikolay Nikolaevich; Korotaev, Andrey Vitalyevich; Bondarenko, Dmitriy Mikhaylovich; Lynsha, Valeriy Alekseevich (eds). *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii* [Alternative ways to civilization]. Moscow: Logos Publ., 2000. P. 265–291. (in Russian).
- Korotaev, Andrey Vitalyevich; Kradin, Nikolay Nikolaevich; Lynsha, Valeriy Alekseevich. Al'ternativnyy sotsial'noy evolyutsii (vvodnye zamechaniya) [Alternatives of social evolution (introductory notes)], in Kradin, Nikolay Nikolaevich; Korotaev, Andrey Vital'evich; Bondarenko, Dmitriy Mikhaylovich; Lynsha, Valeriy Alekseevich (eds). *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii* [Alternative ways to civilization]. Moscow: Logos Publ., 2000. P. 24–83. (in Russian).
- Kubbel', Lev Evgenyevich. Plemya [Tribe], in *Svod etnograficheskikh ponyatiy i terminov. Sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniya i sotsionormativnaya kul'tura* [Code of ethnographic concepts and terms. Socio-economic relations and socionormative culture]. Moscow: Nauka Publ., 1986. P. 144–146. (in Russian).
- Modzelewski, Karol. *Barbarzyńska Europa* [Barbarian Europe]. Warszawa: Iskry Publ., 2004. 520 p. (in Polish).
- Petrov, Aleksey Vladimirovich. Traditsionnoe chlenenie i nekotorye osobennosti vnutripoliticheskogo razvitiya srednevekovogo Novgoroda [Traditional partition and some features of internal political development of medieval Novgorod], in *Istoricheskaya etnografiya. Russkiy Sever i Ingermanlandiya* [Historical Ethnography. Russian North and Ingermanland]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 1997. P. 49–59. (in Russian).
- Pohl, Walter. *Die Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa 567–822 n. Chr.* [The Avars: A steppe people in Central Europe. 567–822 A. D.]. München: C. H. Beck, 1988. 529 p. (in German).
- Stanovlenie i razvitie ranneklassovykh obshchestv. Gorod i gosudarstvo* [The formation and development of early class societies. The city and state]. Leningrad: Leningrad University Press, 1986. 337 p. (in Russian).
- Sverdlov, Mikhail Borisovich. *Domongol'skaya Rus'. Knyaz i knyazheskaya vlast' na Rusi VI – pervoy treti XIII vv.* [Pre-Mongol Rus'. Prince and princely power in Rus' in the 6th – the first third of the 13th centuries]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt Publ., 2003. 735 p. (in Russian).
- Tolochko, Aleksey Petrovich. *Ocherki nachal'noy rusi* [Essays on initial Rus']. Kiev; St. Petersburg: Laurus Publ., 2015. 334 p. (in Russian).
- Trubachev, Oleg Nikolaevich. *Istoriya slavyanskikh terminov rodstva i nekotorykh drevneyshikh terminov obshchestvennogo stroya* [History of Slavic kinship terms and some ancient terms of social order]. Moscow: Nauka Publ., 1959. 212 p. (in Russian).
- Yasinskiy, Anton Nikitich. *Padenie zemskogo stroya v Cheshskom gosudarstve (X–XIII vv.)* [The fall of the land system in the Czech state (10th–13th centuries)]. Kiev, 1895. 193 p. (in Russian).